Текст · 7 декабря 2022, 10:41
Вениамин Волин,

«Трудно сформулировать ощущения от ударов электрошокером». Алексей Рунов дважды бежал от России: после пыток по делу «Сети» и после вторжения в Украину

Антифашист Алексей Рунов раньше никогда не рассказывал, что 25 января 2018 года оперативники ФСБ пытали его электрошокером — только из-за того, что он жил в одной квартире с задержанным по делу «Сети» Игорем Шишкиным. Схема стандартная: лицом в пол микроавтобуса, удары шокером, потом формальный допрос в управлении ФСБ. В тот вечер точно так же пытали и самого Шишкина, и Илью Капустина — еще одного свидетеля по делу. Но Рунова силовики отпустили. Он на несколько месяцев залег на дно, потом нелегально перебрался в Украину, где жил до тех пор, пока туда не вторглась Россия — и снова не вынудила его бежать. Вениамин Волин поговорил с ним для «Медиазоны».

Алексей Рунов вырос в небольшом городе в Нижегородской области, потом переехал в Петербург, где жил до февраля 2018-го. 29-летний Рунов рассказывает, что он придерживался антифашистских и антиавторитарных взглядов, иногда участвовал в протестах.

«Общался с единомышленниками в интернете, ездил на концерты, занимался спортом, участвовал в различных спортивных турнирах, как в официальных

федерациях, так и в турнирах среди антифашистов, участвовал в политических акциях и несколько раз общался после этих акций с сотрудниками Центра "Э" в отделениях полиции или получал телефонные звонки, с сопутствующими для этого общения угрозами или физическим насилием. В общем, как человек, желающий изменить жизнь к лучшему, я старался делать все, что я считал полезным и правильным», — вспоминает Рунов.

К концу 2017 года он понял, что эмоционально выгорел, и решил привести свою жизнь в порядок: устроился на новую работу, пошел на курсы программирования, вернулся к занятиям единоборствами. Переехал: снял комнату в квартире в Поварском переулке, где жили товарищи — антифашист Игорь Шишкин и его жена Татьяна. Алексей строил большие планы на будущий год, но вечер 25 января изменил его жизнь навсегда.

25 января 2018 года. «Трудно сформулировать ощущения от ударов электрошокером»

Вернувшись домой после работы, Алексей Рунов заметил, что в квартире нет соседа Игоря Шишкина и собаки — лабрадора по имени Соня. Его это насторожило. Вскоре пришла встревоженная Татьяна, она сказала, что не может связаться с Игорем. В девять вечера в дверь постучали.

«Мы вышли в коридор, — вспоминает Алексей. — В открывшуюся дверь ворвались люди в бафах[1] на лице, с пистолетами в руках и криками: "Работает ФСБ!". Я

помню, что первая моя мысль была, что это какая-то шутка. Но когда меня положили лицом в пол и пару раз по мне прошлись, то понял, что все серьезно».

Никто не объяснял ему, что происходит, силовики просто начали обыскивать квартиру. «Меня привели на кухню, забрали телефон, и один из сотрудников спросил у меня пароль для разблокировки телефона, водя мне по ноге кухонным ножом. Я, находясь в шоковом состоянии и некой растерянности, сказал его», — объясняет Алексей.

Молодого человека отвели в его комнату, где уже шел обыск, спрашивали, как он познакомился с соседями по квартире. «Говорили, что я террорист и что я сяду надолго, — рассказывает антифашист. — В общем, если убрать угрозы и издевательства, то у меня спрашивали информацию обо мне и о моем круге общения. Это был не первый опыт подобного общения, поэтому я понимал, как с ними разговаривать, и отвечал общими фразами, ссылаясь в основном на проблемы с памятью».

Обыск и расспросы заняли около трех часов. Алексею сказали одеваться и идти с ними, когда он спросил, куда и зачем, силовики «ничего не ответили, скрутили меня, вытащили на улицу и занесли в микроавтобус, который стоял у подъезда».

«Положили меня на пол микроавтобуса, сковали наручниками руки за спиной, надели черный мешок на голову, спросили, могу ли я в нем дышать, и, получив удовлетворительный ответ, начали задавать вопросы, предваряя каждый вопрос ударом электрошокера», — описывает он начавшиеся пытки.

Вопросы были те же, что и в квартире: круг общения, знакомство с конкретными людьми или организациями, «в том числе спрашивали про некую "Сеть"».

«Пытки продолжались примерно полчаса, как мне показалось, первый удар электрошокером пришелся в шею, что меня оглушило на пару секунд, дальше меня били электричеством в спину и ладони, — рассказывает активист. — Трудно сформулировать ощущения от ударов электрошокером, я помню лишь, что мышцы пронизывала судорога и началась непроизвольная дрожь. После всех вопросов мы начали движение, и я не понимал, куда мы едем. Меня пронизывал страх от неизвестности, я не понимал, что будет дальше, и допускал, что пытки продолжатся».

Рунова привезли в здание управления ФСБ на Шпалерной улице. «Меня посадили в приемной и сказали ждать, — вспоминает он. — Вручили пакет с вещами, которые набрали у меня в комнате, чтобы я оделся, так как из дома меня вытащили только в шортах и футболке. Я сидел в приемной и ждал вызова к следователю примерно час, за это время в приемную привели еще одного человека. Подвели его ко мне и спросили, знаю ли я его, а у него — про меня. Но мы не были знакомы. Сейчас я предполагаю, что

это был Илья Капустин, который тоже прошел через пытки по делу "Сети"».

Илью Капустина, судя по всему, точно так же пытали электрошокером в другом микроавтобусе одновременно с Алексеем Руновым — из-за того, что Капустин был знаком с другим задержанным по делу, Юлианом Бояршиновым. Капустина схватили на улице вечером 25 января, затащили в микроавтобус, тоже повалили на пол и стали бить шокерами.

«Когда на какие-то вопросы я не знал ответов, например, когда не понимал, о ком или о чем идет речь, они били меня током из электрошокера в район паха или сбоку от живота, — рассказывал Капустин. — Били током, чтобы я сказал, что тот или иной мой знакомый собирается устроить что-то опасное. Были вопросы о том, состою ли я в той или иной организации, куда ездил, бывал ли в Пензе, спрашивали подробности из жизни моих знакомых. И при этом время от времени тыкали меня шокером. В какой-то момент один из них сказал, что они могут выбросить меня где-нибудь в лесу и переломать мне ноги — и я уже начал ждать этого момента, когда все закончится, потому что они так долго меня пытали, что это было уже совершенно невыносимо».

О таких же пытках шокером в микроавтобусе вспоминал и антифашист Виктор Филинков: «Удары током в ногу он чередовал с ударами током в наручники. Иногда бил в спину или затылок-темя, ощущалось как подзатыльники. Когда я кричал, мне зажимали рот или угрожали кляпом, заклейкой, затыканием рта. Кляп я не хотел и старался не кричать, получалось не всегда. Я сдался практически

сразу, в первые минут десять. Я кричал: "Скажите, что сказать, я все скажу!" — но насилие не прекратилось».

Филинкова задержали еще вечером 23 января, после ночных пыток он дал следователю ФСБ признательные показания, и днем 25 января суд отправил его в СИЗО. Так что в то время, когда Илью Капустина и Алексея Рунова оперативники ФСБ били шокерами, Филинкова осматривал врач в изоляторе — фиксировать следы пыток он ожидаемо не стал.

Февраль — март 2018-го. Жизнь в подполье и нелегальный переход в Украину

Алексей вспоминает, что примерно через час ожидания вместе с оперативниками его отвели к следователю ФСБ, который допросил его, но потом протокола в материалах дела вообще не оказалось (как и допроса Ильи Капустина). Поздно ночью 26 января активиста выпустили из здания ФСБ на Шпалерной, предупредив, что он не должен «пропадать», поскольку с ним «еще не обо всем поговорили».

«Пока я шел пешком домой, то я чувствовал, что в любую секунду около меня может остановиться микроавтобус, и меня увезут на дальнейшие разговоры», — признается Алексей.

Но до дома он все-таки дошел. Там он встретился с женой Игоря Шишкина. «Таня уже позвонила на тот момент правозащитникам, и мы решили пока отнести ее кролика на передержку, — вспоминает

Алексей. — Выходили из квартиры мы с опасением, и мое сердцебиение отдавалось мне грохотом в ушах. Я до сих пор отчетливо помню, что шел с вещами кролика, рассказывал плачущей Тане, что со мной было, и пытался как-то ее подбодрить, потому что понимал, что она переживает за мужа. Хотя сам понимал, что ничего хорошего не произошло и в ближайшее время не будет».

О том, что произошло с Игорем, тогда они еще не знали. Позже Шишкин расскажет, что он вместе с собакой был в машине под домом, когда силовики вломились с обыском к его жене и соседу. Задержали Игоря вместе с лабрадором Соней, когда он вышел из дома забрать посылку. Дальше все то же самое: кинули на пол микроавтобуса, «посыпались крики, удары и разряды тока от шокера».

«Просто все твое тело пронизывает жесточайшая боль, мозг не понимает, что происходит. Пока разряды тока проходят через твое тело — ты себе не принадлежишь. Крик непроизвольно вырывается из тебя. Сплошная боль и потерянность. Разряды прерывались только на время вопросов», — вспоминал Шишкин.

В его случае шокером не ограничились. Его отвезли в лесополосу, связали «ласточкой», пропустив собачий поводок ему через рот, и продолжили пытки током — уже с помощью динамо-машины: «Подключили провода к большим пальцам рук и начали крутить свою специальную "шарманку боли". Именно на этом этапе я сломался, потому что понял окончательно, что они будут делать со мной все что угодно так долго, как им потребуется».

Игорь Шишкин был в здании ФСБ, когда туда привезли его жену Татьяну и соседа Алексея. «Сообщили, что в соседних кабинетах находятся моя жена и наш сосед, и если я буду выпендриваться, то они "просто не дадут диабетику лекарство, а жену изнасилуют". Зная этих зверей, я уже окончательно сдался и смирился», — вспоминал Шишкин.

Он дал все признательные показания по делу о «террористическом сообществе», которые требовали сотрудники ФСБ. 27 января суд отправил его в СИЗО. Сосед и жена остались на свободе.

Сейчас Алексей Рунов думает, что его задержали и пытали «за компанию» — ему не повезло оказаться соседом человека, которым заинтересовалась ФСБ.

«Но в тот момент мне казалось, что происходят какие-то профилактические репрессии и я попал под их каток, — говорит активист. — Я совершенно не понимал, почему так относительно легко отделался, и не понимаю до сих пор».

После пыток и допроса в ФСБ Алексей решил, что спокойной жизни в России у него больше не будет.

Антифашист вспоминает, что первый день провел в прострации и не понимал, что делать дальше. Тогда Алексею казалось, что ФСБ отпустила его на время с какой-то непонятной целью и в итоге все равно арестует. Во время обыска у него изъяли всю технику и загранпаспорт.

Фото: личный архив Алексея Рунова

«Перейти на нелегальное положение и начать скрываться для меня на тот момент было единственным возможным выходом из ситуации, — рассказывает он. — Было тяжко оставлять жизнь, к которой я так привык, и я до сих пор ностальгирую и рефлексирую о том, что могло все быть иначе. Но что произошло, то произошло».

Он начал скрываться, четыре месяца почти не выходил из помещения и ждал возможности выбраться из России без загранпаспорта. «В результате мне удалось нелегально пересечь границу с Украиной и приехать в Киев», — говорит Алексей. Рассказывать какие-то подробности о переходе границы он отказывается по соображениям безопасности. В Украине он оказался в мае 2018-го.

Дело «Сети» в Петербурге и Пензе

Уголовное дело о «террористическом сообществе "Сеть"» было возбуждено ФСБ в октябре 2017 года

по части 2 статьи 205.4 УК. В течение месяца в Пензе задержали Егора Зорина, Илью Шакурского, Василия Куксова, Дмитрия Пчелинцева, Андрея Чернова и Армана Сагынбаева (последнего силовики нашли в Петербурге и этапировали в Пензу). Двое пензенцев — Максим Иванкин и Михаил Кульков — скрылись и были объявлены в розыск; летом 2018 года их схватили в Москве.

В январе 2018-го в Петербурге были задержаны Юлий Бояршинов, Виктор Филинков и Игорь Шишкин. Большинство обвиняемых — антифашисты и анархисты.

В ФСБ утверждают, что все арестованные состояли в подпольной организации «Сеть» и намеревались во время президентских выборов и чемпионата мира по футболу с помощью взрывов «раскачать народные массы для дальнейшей дестабилизации политической обстановки в стране» и поднять вооруженный мятеж. Ячейки «Сети» якобы действовали в Москве, Петербурге, Пензе и в Беларуси.

О пытках подробно рассказывали многие задержанные: Виктор Филинков, Дмитрий Пчелинцев, Илья Шакурский, Арман Сагынбаев и - Юлий Бояршинов (на него давили в «пресс-хате» в СИЗО). О допросе с применением электрошокера говорил и Илья Капустин, которого отпустили в статусе свидетеля — опасаясь за свою безопасность, он, как и жена Филинкова - Александра, уехал в Финляндию, где попросил-политического убежища.

Игорь Шишкин о пытках тогда не рассказывал, однако врачи диагностировали у него перелом нижней стенки глазницы, многочисленные гематомы и ссадины, а посетившие Шишкина в

СИЗО члены ОНК зафиксировали на его теле многочисленные следы, похожие на ожоги от электрических проводов. Он описал, как его пытали током, уже после выхода из колонии.

Уголовное преследование Егора Зорина, чья явка с повинной формально легла в основу дела, прекратили. Шишкин, который признал вину и заключил досудебное соглашение со следствием, - получил 3,5 года лишения свободы. В Петербурге Юлия Бояршинова (тоже признал вину) суд - приговорил к 5,5 годам, Виктора Филинкова — к 7 годам. Отрицавшие в суде свою вину пензенцы - получили самые большие сроки: Арман Сагынбаев — 6 лет, Василий Куксов — 9 лет, Михаил Кульков — 10 лет, Максим Иванкин — 13 лет, Андрей Чернов — 14 лет, Илья Шакурский — 16 лет, а Дмитрий Пчелинцев — 18 лет.

2018 — 2022 годы. Жизнь в Украине без документов

В Украине активист почувствовал себя намного спокойнее. Пару дней он отдыхал и собирал документы для подачи на политическое убежище, а потом обратился в организацию «Право на защиту» — там ему пообещали помощь с юридическим сопровождением. Теперь Алексею предстояло знакомство с миграционной системой Украины: он вспоминает, что тогда нужное отделение работало два дня в неделю, там была только живая очередь, постоянно были проблемы то с бланками, то с чем-то еще.

«Со временем мне удалось попасть на интервью, рассказать свой кейс, получить справку просителя убежища и назначение прийти через месяц, чтобы получить результаты первого этапа процедуры получения беженства в Украине», — говорит Алексей. Эта справка позволяла ему легально находиться в стране и стала его единственным документом на следующие четыре года.

Дальше был стандартный для многих политических беженцев путь: отказы, их обжалования, новые интервью. Попытки уехать в Европу и запросить убежище там тоже не увенчались успехом, и Рунов решил оставаться в Украине.

В стране ему все нравилось, но жизнь без документов вызывала много трудностей, например с устройством на работу.

«Я прозванивал варианты и спрашивал, есть ли возможность неофициального устройства, — вспоминает он. — Ездил на собеседования и на них объяснял, что не могу официально работать, потому что я беженец и мои документы не позволяют работать официально».

В итоге сначала устроился на склад стройматериалов, где работал полгода, а потом два года в службе поддержки онлайн-казино. «Работа была интересная, сидячая и непыльная, — вспоминает он онлайн-казино. — Со многими бывшими коллегами я до сих пор поддерживаю связь и общаюсь. Но я устал от однообразия работы, все мои коллеги, с кем я начинал работать, ушли на позиции повыше

в компании, а меня не повышали. Как мне казалось, из-за проблем с моими документами».

Через некоторое время устроился на похожую работу: «Там работал друг, который за меня поручился, то отношение ко мне было иное». Но проработал там он всего три месяца — до начала российского вторжения.

В свободное от работы время активист вел жизнь, которая в целом не отличалась от жизни в России: проводил время с друзьями, ходил на панк-концерты. «Изначально в Украине у меня был только один знакомый, с которым мы пересекались пару раз на спортивных турнирах для антифашистов в России, — рассказывает Алексей. — Там мы с ним особо не общались, но в Украине я около года прожил в его квартире вместе с ним и его женой, в шутку они меня называли своим сыном. Они мне помогали решать какие-то мои бытовые проблемы, легче переживать какие-то жизненные неудачи, а я в свою очередь им всячески помогал».

Друг был фанатом киевского «Арсенала», болельщики этой команды известны антифашистскими взглядами. Подружился с ними и Алексей: «Мы вместе занимались единоборствами, гуляли, ходили в бани, также я смог принять участие в паре договорных драк и нескольких уличных пересечениях. Я заводил себе друзей на работе, в панк-сцене и в залах, где тренировался. В целом никаких проблем с социализацией у меня не было».

В Киеве, по словам Алексея, никто не относился к нему плохо из-за того, что он русский и не знает украинского языка: «Поэтому заявления российской

пропаганды о том, что в Украине притесняют, унижают и едят русских, у меня вызывали смех. Я тогда даже представить не мог, что большое количество людей это воспринимает всерьез».

Без документов сложно было не только устроиться на работу. Он не мог, например, открыть счет в банке — приходилось пользоваться наличными или карточками друзей. Сложнее было и обращаться к врачам, бесплатная медицина не была ему доступна: «Для меня как диабетика это был достаточно напряженный момент. Первое время мне приходилось покупать лекарства и посещать врачей за свой счет. Через полтора года я узнал об организации "Рокада", которая помогала беженцам с различными бытовыми нуждами». Они помогли активисту с продуктовыми карточками и доступом к медицинским услугам в поликлинике, где он стал бесплатно получать лекарства от диабета и прошел обследование: «Это значительно облегчило мою жизнь».

Алексей Рунов признается, что самым неприятным в жизни без документов для него было отсутствие ощущения почвы под ногами: «Я не мог планировать свое будущее нормально, потому что был бесправным иммигрантом. Кроме тех случаев, когда из-за отсутствия документов я не мог устроиться на какие-то перспективные места работы, я еще не мог выехать за границу или портил сам себе отношения с девушками, потому что не видел какого-то развития и придумывал себе кучу несуществующих проблем».

Но были и более серьезные опасения, говорит он: «В Украине бывали случаи, когда уехавших по

политическим мотивам граждан из таких стран, как, например, Турция, Беларусь или Россия, задерживали и сажали в депортационные тюрьмы, выдавали предписания покинуть территорию Украины или депортировали на родину. Поэтому я не чувствовал себя до конца в безопасности со справкой просителя убежища».

Антифашиста не задержали по запросу из России и не попытались похитить российские спецслужбы. Но 24 февраля 2022 года Россия напала на всю Украину.

24 февраля 2022-го. Вторжение России в Украину и попытки уехать из страны

Алексей вспоминает, что с начала февраля в Киеве все чаще витала в воздухе мысль о приближающейся войне. «Все надеялись, что войны не будет, но это, скорее, была попытка самовнушения, — говорит он. — Так, мы с друзьями договаривались 26 февраля поехать на учения ТРО[2], для получения каких-то базовых навыков».

Но утром 24 февраля, как и все киевляне, он проснулся от звуков взрывов за окном: «Я лежал и пытался прислушаться и понять, что это было. Через минуту до меня дошло, что это был за звук, а примерно минут через пять раздался еще один взрыв. Я лежал и пытался придумать, что делать дальше. В итоге мне позвонил друг, сказал, чтобы я просыпался, потому что началась война».

В середине дня Алексей встретился с друзьями. «Я сидел у них в гостях, читал новости и ждал

информации от знакомых, которые искали, где можно вступить в ТРО и получить оружие, — вспоминает он. — В первый день были огромные очереди, так как все хотели вступить и защищать родину, поэтому мои знакомые не смогли куда-то приписаться».

Ночью спали по очереди, и тот, кто не спал, должен был будить остальных при звуке сирен, и все спускались в подвал. За ночь пришлось просыпаться и спускаться вниз четыре раза. Утром друзья снова попытались вступить в тероборону, но снова безрезультатно. «Люди в городе ходили с деловитым спокойствием, — описывает он атмосферу в Киеве. — Никакой паники я не замечал. Все уже были морально готовы».

К полудню они приехали на станцию метро, которая уже стала бомбоубежищем, там тоже были знакомые. «Мы спустились к ним, стояли, разговаривали, и я посмотрел свежие новости, из которых узнал, что Зеленский призывает Путина к мирным переговорам. Тут у меня случилась паническая атака, так как я представил, что будет, если переговоры произойдут. Я начал рыдать, в голове у меня пронесся ворох тревожных мыслей, и я не смог думать нормально после этой панической атаки пару часов».

Алексей решил, что ему нужно уезжать из Киева. Он узнал, что ходят эвакуационные поезда из Киева во Львов, попрощался с друзьями в метро и тут же поехал на вокзал. Перрон на вокзале был забит людьми. Алексей вспоминает, что все еще не мог прийти в себя и собраться. Когда подъехал поезд, пробиться в него

оказалось невозможно: люди заполнили его за пару минут, больше никто не мог втиснуться внутрь.

«Мы все остались на перроне и лишь смотрели вслед уезжающему поезду, — вспоминает он. — Эта неудача немного меня отрезвила. Окончательно я пришел в себя, когда мы шли от перрона к машине и, услышав звук пролетающего над головой то ли самолета, то ли ракеты, вжались в стену».

Фото: личный архив Алексея Рунова

Он присоединился к друзьям, которые как раз снова пытались попасть в тероборону — и снова не смогли. Решили разойтись пока что по домам.

«На этом моменте я попытался успокоиться и трезво оценить ситуацию и мои перспективы на будущее, — вспоминает антифашист. — Я гражданин страны-агрессора, у которого нет нормальных документов на руках, с хронической болезнью, которая требует постоянного принятия лекарств. Я вспомнил все проблемы, которые у меня возникали из-за этого раньше, и понял, что дальше будет только больше. И найдутся ли у меня силы их решать, я был не уверен».

В это время в чате организации «Право на защиту» юристы как раз объясняли, как могут уехать из страны люди с такими же временными документами, как у Алексея. Он решил попытаться выехать в Европу, собрал вещи, попросил друзей отвезти его

на вокзал, где вечером должен был быть еще один эвакуационный поезд. Людей было чуть меньше, и Алексей смог втиснуться в вагон, он ехал в одном купе с еще восемью людьми и двумя собаками. «Атмосфера была напряженная, за всю дорогу никто так и не смог уснуть, — вспоминает он. — Люди делились переживаниями, рассказывали о близких, с которыми потеряли связь, и тихо плакали».

Февраль 2022-го. Неудачи на границе и допрос СБУ

Во Львове его встретили другие друзья. В тот момент на всех пропускных пунктах на границе Украины уже были огромные очереди: «Поэтому я вызвал такси, которое довезет меня до конца пробки перед границей. Пробка была протяженностью 32 километра, и ее я проходил пешком часов семь. Вдоль дороги около небольших населенных пунктов стояли люди, которые угощали уезжающих в машинах и тех, кто шел пешком, нехитрой домашней едой и чаем».

До границы добрался уже ночью и, увидев огромную очередь, решил немного поспать в кафе неподалеку. «Проснувшись через пару часов, я вернулся к тому месту, на котором в прошлый раз видел огромную очередь, и понял, что я недооценил ее масштабы раз в пять. Я решил вернуться во Львов», — рассказывает Алексей. Добравшись до города автостопом, он с помощью друзей нашел польских волонтеров, которые на микроавтобусе возили беженцев через границу. Поехали на пешеходную границу со Словакией, но там его снова ждала неудача: на

границе выпускали только граждан Украины или стран Евросоюза.

«Во время поездки на одном из блокпостов у меня проверяли документы и решили, что мой путь окончен, — вспоминает Алексей путь к границе. — Стали угрожать расстрелом, называть меня диверсантом, координатором огня, и только силами волонтеров и моей харизмой удалось все объяснить и поехать дальше целым и невредимым».

Алексей и волонтеры решили попробовать снова на следующий день. На этот раз активиста задержали сотрудники полиции в небольшом городе Хыров рядом с польской границей и увезли его в отдел для разбирательства.

«Вы в своем уме? У нас война!». Как журналистки «Медиазоны Беларусь» выбирались из Украины в первую неделю российского вторжения

«Произошло все по глупому стечению двух обстоятельств, — признает Алексей. — Первым было то, что один из волонтеров решил со мной подойти заранее к пограничникам в городе недалеко от границы и узнать, не будет ли у меня проблем при пересечении границы. Вторым было то, что при первом заполнении моей справки беженца, с которой я жил все четыре года, в качестве особых примет мне записали пять имевшихся в то время татуировок и никак впоследствии эту графу не обновляли. А я успел к предыдущим пяти татуировкам добавить еще 35».

Полицейским это показалось подозрительным: «Вызвали сотрудников непонятного мне ведомства, которые просили меня на камеру сказать слово "полуниця"[3] и сыпали угрозами. Меня и одного из волонтеров доставили в отделение полиции. Там, после того как я попытался отойти и прислониться к стенке, так как устал за предыдущие несколько бессонных дней, мне сковали руки за спиной наручниками, надели на голову белый мешок, пару раз пнули и начали спрашивать, почему я диверсант и зачем я приехал в Украину. Я постарался успокоить моих собеседников, объяснил, кто я и почему здесь, и они меня поняли. Со словами, что, мол, не будем брать грех на душу, пусть разбираются СБУ, сняли мешок с моей головы, извинились и напоили чаем».

Был поздний вечер, сотрудники СБУ должны были приехать только на следующий день, так что ночь Алексей провел на диване в одном из кабинетов. Когда к вечеру следующего дня наконец появились сотрудники СБУ, выглядели они «достаточно угрожающе», вспоминает активист: «У меня никаких

радужных перспектив насчет предстоящего не возникло. Я мысленно приготовился к тому, что сейчас начнутся побои и пытки, поэтому я впал в какой-то ступор. Стоит отдать сотрудникам должное, они меня не тронули ни разу, а только общались. Один из сотрудников, который был с бафом на лице и автоматом в руках, сразу же куда-то пропал, второй просто спокойно наблюдал за происходящим, третий играл роль злого полицейского, время от времени резко кричал на меня и в один момент сбил ударом бутылку со стола возле меня. Четвертый играл роль доброго полицейского и общался со мной спокойно, доверительным тоном. Пятому же сотруднику я не могу приписать какую-то определенную роль, так как он копался у меня в телефоне и отпускал неприятные комментарии моим близким и всем, кого видел на фотках».

«Была довольно яркая вещь в этом общении, когда, уже за несколько минут до окончания допроса, мне сказали, что сейчас поведут на расстрел, — говорит Алексей. — И спросили, не хочу ли я позвонить кому-то и попрощаться. Этот вопрос заставил меня задуматься. Я был уже сильно уставший, и почему-то мысль о том, что меня расстреляют, не вызвала во мне каких-то негативных чувств. Уже в начале разговора я так сильно расстроился и решил, что ничего хорошего не будет, что мне это развитие событий показалось вполне хорошим исходом, и я даже как-то выдохнул с облегчением. Но я решил, что никому не хочу звонить и никого расстраивать прощанием не хочу, поэтому отказался. На меня посмотрели с удивлением».

Сотрудники вышли из кабинета. «Я пару минут сидел и ждал, потом услышал за окном двигатели машин и понял, что все закончилось и ничего не будет, — вспоминает Алексей. — Через пару минут зашли сотрудники полиции, сказали, что все хорошо и завтра меня отпустят, предложили попить чаю и накормили салатом».

Алексей Рунов считает, что ему во многом помогло то, что в отделе он смог позвонить друзьям с телефона одного из польских волонтеров. Друзья связались с правозащитниками, а те дозвонились до уполномоченного по правам беженцев в Украине.

В день этого допроса Алексею исполнилось 29 лет. «Пока что это мой самый яркий день рождения, и мало кто может похвастаться тем, что его поздравляли только сотрудники СБУ и полиции», — смеется он.

Наши дни. В ожидании убежища в Европе

На следующее утро Алексей на такси добрался до границы с Польшей. Его пропустили без проблем, только отвели на пару минут в кабинет, где спросили о дальнейших планах. К поздней ночи он уже был в Варшаве, там его тоже встретили знакомые и отвезли ночевать в активистский сквот.

Неделю он жил в Варшаве, пока не узнал, что волонтеры повезут беженцев во Францию из Пшемысля — этот город стал основным

перевалочным пунктом на пути из Украины через Польшу.

Алексей сразу отправился в Пшемысль и уже через пару дней оказался во Франции, где подал документы на политическое убежище.

«Мне уже присвоили статус беженца, через полгода после обращения, — говорит Алексей.
— Я подрабатываю в нескольких барах, работаю временами на музыкальных концертах, что позволяет мне закрывать мои бытовые потребности и отправлять деньги в различные инициативы в Украине. В моих ближайших планах продолжать изучение французского, заниматься оформлением документов, найти работу и жилье, серьезно подлечить физическое и ментальное здоровье. Просто жить».

«До сих пор не могу для себя решить, правильным ли было решение уехать из Украины, но в тот момент я другого выхода не видел, — признается он. — Я устал от жизни с кучей проблем из-за отсутствия документов, и было тяжело отказаться от возможности зажить по-человечески». Большая часть его киевских друзей сейчас в Украине, несколько знакомых погибли на войне, несколько попали в плен.

О давнем решении уехать из России после пыток Алексей не жалеет: «Не имею представления, что бы я делал сейчас там. Я еще в 2014 году выходил в Нижнем Новгороде на митинг против интервенции в Украину с лозунгами, за которые сейчас можно получить серьезный срок. За это время в России только усиливались репрессии, а жизнь для людей становится все сложнее. Мои друзья в России не

находятся в безопасности из-за своих взглядов. Недавно начавшееся дело против антифашистов в Тюмени, которые прошли через пытки, показывает удручающие тенденции о набирающем силу катке новых репрессий».

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Buff — компания-производитель бандан, шарфов и балаклав для активного отдыха и спорта. Силовики любят скрывать за такими лица.
2. Отряды территориальной обороны, незадолго до начала российского вторжения созданные в Украине из числа добровольцев.
3. «Полуниця» — клубника на украинском. Вместе со словом «паляниця» (один из видов выпекаемого в Украине хлеба) считается своеобразным тестом на украинскость: обычно у людей из России не получается правильно их произнести.